

Дарья Донцова

Закладной Выход из комы

Детектив на диете **Татьяна Сергеева**

Татьяна Сергеева. Детектив на диете

Дарья Донцова

Запасной выход из комы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Запасной выход из комы / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2018 — (Татьяна Сергеева. Детектив на диете)

ISBN 978-5-04-093637-3

Ну кто бы мог подумать, что путешествия во времени возможны?..
Начальница особой детективной бригады Татьяна Сергеева во что бы то ни
стало должна разыскать свою исчезнувшую коллегу Лизу Трифонову. Та
взялась за совершенно глухое дело, которое еще много лет назад зашло в
тупик: загадочное похищение младенца. Татьяна уверенно шла по следам
пропавшей, и вдруг... все провалилось во мрак глубокой комы. Сергеева
очнулась в таинственной лечебнице, окруженная излишне-заботливым
персоналом. Невероятно, но память у Татьяны словно ластиком стерли!
Через распахнутое больничное окно она мило беседует со своей «свекровью
Этти», напрочь позабыв, что та давно умерла. И Таню ничуть не смущает, что
календарь на ресепшен клиники датирован еще прошлым веком...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093637-3

© Донцова Д. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Аркадьевна Донцова

Запасной выход из комы

© Донцова Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«Причина язвы желудка не в том, что вы едите, а в том, что ест вас».

Я посмотрела на доктора:

– Филипп Андреевич, у меня ничего не болит.

Эскулап нежно погладил рукой тетрадь в мягкой желтой обложке.

– Душа моя! Начнем заново. Какое сегодня число?

Я напрягла память и поняла, что ничего не помню. Взгляд упал на открытое окно, за которым буйно цвела сирень.

– Май! – обрадовалась я.

– Июнь, но почти угадали, – похвалил меня Филипп Андреевич, – увидели сирень и сообразили.

– Доктор Маслов, подойдите на ресепшен, – раздался откуда-то приятный женский голос. Доктор встал:

– Танечка, можете посидеть пару минут в одиночестве?

– Конечно, – улыбнулась я.

– Не испугаетесь? У меня тут скелет стоит!

– Он не настоящий, – засмеялась я.

– А многие боятся, – усмехнулся врач и покинул кабинет.

И зачем ему держать в кабинете то, что нервирует больных?

Долго раздумывать над этим вопросом я не стала, огляделась по сторонам и взяла со стола тетрадку. На ней было написано: «История болезни Сергеевой Татьяны».

История болезни? До сих пор я считала себя абсолютно здоровой. Я поежилась и открыла тетрадь.

«Состояние после двухнедельной комы». По моей спине пробежал озноб. Документ был заполнен от руки. Но вопреки всем анекдотам про почерк врачей я легко разобрала каждое слово. Похоже, Филипп Андреевич увлекался каллиграфией, буквы он писал так, что любой японец мог бы прийти в восторг от красоты их начертания. Понимая, что Маслов вот-вот вернется, я быстро посмотрела историю болезни. И вскоре мне стало плохо, закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

Стало ясно, как я оказалась в кабинете Маслова. В конце мая я ехала в машине своего любовника Леонида Ильича Коровина. Тот не справился с управлением и врезался в дерево. Леонид погиб на месте. Удивительно, но я, сидя около водителя, не получила ни одной царапины, зато потеряла сознание и не приходила в себя четырнадцать дней. И что самое удивительное, в медцентр меня поместила свекровь, мать моего мужа.

– Я занят с пациенткой, – долетел из коридора голос Маслова. – Освобожусь, и поговорим.

Я закрыла свою историю болезни и вернула ее на место.

Через секунду в комнате возник Филипп Андреевич.

– Простите, Танечка. Давайте вернемся к нашей беседе. На чем мы остановились?

Я попыталась собраться с мыслями. Что говорил Маслов перед уходом? Почему он ушел? Вроде его куда-то позвали...

– Танюша, – нежно произнес хозяин кабинета, – сконцентрируйтесь, попытайтесь, душа моя, сообразить... Ну?

– Не получается, – пробормотала я. – Вы говорили... про мясо... вроде.

– Ерунда, душенька, мы справимся, – успокоил меня врач. – «Причина язвы желудка не в том, что едите вы, а в том, что ест вас». Вот главное, что многие забыли.

– У меня ничего не болит, – вякнула я.

– В анамнезе у вас есть язва, – уточнил доктор. – Ранее считалось, что сия неприятная болезнь, способная даже привести к смерти, вызывается исключительно неправильным питанием. В зоне риска были любители острого, жирного, соленого, копченого. Потом выяснилось, что недуг вызывает бактерия.

– Хеликобактер пилори, – неожиданно осенило меня.

Маслов зааплодировал.

– Верно. Ну и ну! Только что вы уверяли, будто начисто все забыли.

– Я помню свое имя, – ответила я. – Откуда знаю про возбудитель язвы желудка, для самой загадка, – смутилась я. – Язык помимо воли это произнес. О! Вот еще что выплыло из тьмы. Врачи считают, что большое значение имеет моральное состояние пациента. Если он нервничает, злится, «ест себя», то труднее вылечивается.

– Ай, молодец, – обрадовался Маслов, – не знай я, что вы учительница русского языка и литературы, подумал бы, что вы доктор. Отлично материал изложили. Откуда столь обширные познания?

Я пожала плечами:

– Понятия не имею. Словно кто-то подсказал.

Филипп Андреевич потер руки:

– Прекрасно. Давайте выясним, что еще вам этот «кто-то» мог нашептать. Что вы можете о себе сообщить?

– Меня зовут Таня Сергеева, – ответила я. – Работаю в школе.

– Браво, – восхитился Маслов.

– Сами только что назвали мою профессию, – вздохнула я.

– Сколько вам лет?

– М-м-м, – промычала я, – ну... раз я педагог... значит, окончила вуз... мне точно за двадцать.

– Гениально, – восхитился эскулап. – Поточнее получится?

– Навряд ли, – призналась я.

– Так, попробуем с другой стороны. Имя Этти вам знакомо?

Я уставилась в окно. Этти?

– Мать Миши, – подсказал врач, – ваша свекровь...

Меня словно стукнули по голове медным тазом, в голове взорвалась граната. На секунду свет померк, затем перед глазами запрыгали разноцветные огоньки, меня затошнило, комната завертелась, потолок поменялся с полом.

– Этти! – закричала я. – Ну, конечно! Этти!

Со свекровью мне повезло феерически. В свое время бабы в учительской рассказывали про такое! Кровь сворачивалась в жилах, а по спине тек холодный пот от услышанного. Бесконечные упреки матерей мужей типа: «Вижу, что сын сильно ошибся в выборе жены», поджатые губы, кислые мины... Как назло, мужья обожали своих мамаш и каждый раз заявляли супругам: «Не смей спорить с мамой, у нее разболится голова». У всех свекровей моих коллег были слабое здоровье, ранимая нервная система и ядовитые зубы, которые они пускали в ход, только когда оставались с невесткой наедине.

Этти оказалась другой. Начнем с того, что я не знаю, сколько ей лет. Своего сына она родила неизвестно от кого. Вернее, свекровь, естественно, знает имя отца Миши, какое-то время она состояла с ним в браке, но распространяться о бывшем супруге не любила.

– Мы с Ильей прожили всего ничего, – как-то в минуту откровенности призналась она, – а когда он сбежал от меня и крохотного Мишки и не оставил ни копейки денег, я вдруг поняла, что совсем не знала своего супруга. Поэтому теперь говорю: мой сын родился неизвестно от кого, то есть от неизвестного!

Когда я в первый раз увидела свекровь, то приняла ее за сестру жениха. На кухне стояла тоненькая хрупкая девочка с копной каштановых кудрей.

– Это Этти, – улыбнулся Миша и, видя мое недоумение, добавил: – Моя мама, твоя будущая свекровь.

– Здравсти, – растерянно брякнула я, весьма удивленная тем, что Михаил представил мать по имени, без отчества и всяких церемоний.

– Привет, – весело ответила Этти, – топай к столу. Ты чай с чем любишь, с лимоном или с вареньем?

С первой минуты Этти стала вести себя так, словно мы были одногодками. Спустя несколько месяцев мне стало казаться, что Этти чуть больше двадцати, она не занудничала, не поучала меня, не совала нос в кастрюли, не поджимала губы при виде плохо выглаженной рубашки Миши, наоборот, спрашивала:

– Не надоело утюгом махать? Да брось, и так сойдет. И вообще, пусть он сам гладит, мужиков баловать нельзя.

Свекровь частенько подсовывала мне в карман денежки, приговаривая:

– Мишке не говори, это наше с тобой дело. Знаю, знаю, небось новую помаду купить мечтаешь.

Родная мать не заботилась обо мне так, как Этти, она вечно дарила какие-то милые пустячки, а приходя в гости, всегда приносила шоколадные конфеты. Этти единственный человек, перед которым я не стесняюсь раздеться. Меня смущал даже Миша, я всегда старалась нырнуть первой под одеяло, пока муж принимал душ. А с Этти я спокойно хожу в баню...

Свекровь работает переводчицей, знает в совершенстве три языка, легко переходит в разговоре с немецкого на французский, а если надо, на английский. Миша же не получил высшего образования, ему не достались материнские мозги.

Отец Этти был известным ученым, а мать поэтессой, в ее случае природа отдохнула не на детях, а на внуках. Миша был... Я замерла. Миша был... Почему я говорю о муже в прошедшем времени? Миша был замечательным, добрым, ласковым человеком, он много читал, но у него не было способностей к систематическим занятиям. Большинство родителей, увидев в дневнике у чада сплошные двойки, примутся наказывать ребенка, топтать ногами и орать:

– Вспомни, из какой ты семьи! Не смей позорить память о дедушке и бабушке. Немедленно берись за ум, ты должен поступить в институт!

Девяносто девять из ста матерей поведут себя именно так, но Этти оказалась сотовой, она спокойно спросила у Миши:

– Ты хочешь поступить в вуз?

– Нет, – испугался он, – лучше в техникум, мне автодело нравится.

И Этти отвела сына, куда он хотел.

Муж говорил, что его никогда не ругали, не ставили в угол, не читали ему нудных нотаций. Если честно, я завидовала супругу: мое детство было другим, мне не позволялось иметь собственного мнения. Родители сами выбрали будущую профессию для дочери, мне велели идти в педвуз. Представляю, какую истерику могла закатить мать, услышь она от меня фразу вроде: «Хочу стать портнихой» или «Мечтаю учиться на парикмахера». Да она бы сначала грохнулась в обморок, ну а потом начала бы вопить: «Интеллигентная девочка обязана иметь диплом о высшем образовании. Вспомни о родителях, дедушке-ученом, бабушке...» Впрочем, нет, Анна Семеновна не тот человек, которого можно поставить в пример. Она всю жизнь варила суп, пекла пироги, жарила котлеты. На взгляд моих родителей, мать отца не достигла никакого успеха, родители презирали скромную старушку, что, впрочем, отнюдь не мешало им лакомиться вкусными борщами, лопать великолепные пирожки и надевать чистые старательно отглаженные вещи. Бабушка считалась в нашей семье домработницей, ее охотно ругали за ошибки и никогда не хвалили. Отец звал ее коротко: «мать», а моя мама величала свекровь:

«Анна Семеновна», ни разу на моей памяти она не обняла и не поцеловала ее, всегда говорила с ней холодно-вежливым тоном. Доживи мать до моего замужества, восторга при виде зятя она бы не испытала. Миша-то лапоть, без диплома о высшем образовании, его место у туалета.

Вот Этти другая, много вы найдете свекровей, которые, похоронив сына, окружают невестку-вдову любовью? Этти после смерти Миши поддерживает меня, если честно, то сейчас я просто живу за ее счет... Конечно, пытаюсь быть ей благодарной, но что я могу? Убрать квартиру, помыть окна... И это все. Правда, я стараюсь изо всех сил, взвалила на свои плечи тяжелую физическую работу, таскаю Этти картошку, драю унитаз и ванну, мне очень хочется отплатить ей за добро, но это такая малость по сравнению с теми моральными и материальными подарками, которые я получаю от свекрови.

Я замерла, слова, которые лились потоком, закончились.

– Потрясающе! – ахнул врач. – Люди считают двухнедельную кому ерундой. Не год человек на аппаратах лежал. Ан нет. Даже сутки, которые вы провели в состоянии измененного сознания, могут нанести вам непоправимый урон. Восстановление займет месяцы, годы! А вы идете на поправку семимильными шагами, прямо бегом! Что еще вы помните?

– Миша, – протянула я, – мой муж... он ведь умер! А Этти... Что-то с ней произошло... не знаю! Так странно. Вдруг в моей голове взорвался фейерверк. И я вижу свекровь. А сейчас снова туман клубится. Что со мной случилось? Как я очутилась в этой клинике?

Глава 2

– Все хорошо, дорогая, – заулыбался Маслов, – вам надо отдохнуть.

– Я хочу знать правду, – возразила я.

Маслов склонил голову к плечу:

– Не думаю, что сейчас вам нужен шоковый удар.

– Все так плохо? – испугалась я. – Тем более расскажите, а то я с ума сойду от пустоты в голове.

– Хорошо, – после короткой паузы согласился хозяин кабинета и заговорил.

Чем дольше я слушала доктора, тем хуже себя чувствовала. Оказывается, я ушла с работы, потому что мне надоело сеять зерна разумного, доброго, вечного в мозгах глупых детей, которые совершенно не желали читать ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя. Да еще у меня сложились конфликтные отношения с коллегами, которые все были намного меня старше. Последний год я провела дома, где тихо дурела от безделья. О домашних делах я никогда не беспокоилась. Пылесосил квартиру, гладил белье, ходил за продуктами мой муж, готовила свекровь. Этти привозила нам судки с вкусной едой и загружала их в холодильник. Чем занималась я? Ела то, что было в холодильнике, смотрела шоу по телевизору, спала и в результате здорово растолстела. А еще я стала закатывать скандалы Мише, обижаться, что он занят работой, а не мной. В конце концов свекровь не выдержала и силой вытолкнула меня на работу. Рассказывая Маслову о том, что происходило в ее семье, Этти объяснила:

«Мне не трудно содержать двух человек. Танюша не очень много получала, сами знаете, какие у учителей зарплаты. Кошка и то больше нарыдает. И Миша не принадлежал к специалистам, которые миллионы получают. Я им всегда подбрасывала денюжат, вкусные продукты, всякие милые мелочи. Но Таня должна была выйти на службу. Я понимала, что, сидя дома, невестка заболеет, получит от непомерного потребления сладкого диабет второго типа, превратится в кучу, от безделья начнет все сильнее и сильнее пилить мужа, и брак рухнет. Не из вредности или корысти я спихнула невестку с дивана. Ради блага их семьи старалась. И вот что получилось!»

Маслов прервал рассказ и стал наливать в стакан воду из бутылки.

– Что получилось? – переспросила я.

Филипп Андреевич сделал глубокий вдох и продолжил.

Свекровь нашла мне место в фирме Леонида Ильича Коровина, своего знакомого. Меня посадили в маленькой комнате, вменили в обязанность проверять на грамотность тексты, которые сочиняли сотрудники отдела рекламы и пиара. Креативность у молодежи была через край, а вот грамотность хромала на все ноги и в придачу болела эпилепсией. Но я недолго занималась нудным делом. Через неделю после устройства на работу я, выпив в буфете кофе, пошла к лифту и столкнулась в коридоре с пожилым, но вполне бодрым мужчиной. Тот стал задавать новой сотруднице разные вопросы. Я хорошо воспитана, не глупа и не поинтересовалась, с кем говорю, просто вежливо ему ответила. На следующий день меня вызвали в отдел кадров и огорошили назначением личным помощником владельца предприятия. Любопытным незнакомцем оказался сам Леонид Коровин.

Не прошло и двух месяцев, как отношения мои и Коровина вышли за рамки уставных, превратились в интимные. Этти умудрилась перевыполнить задачу, которую перед собой поставила: невестка слезла с дивана, и теперь она на него даже не садилась, потому что почти перестала забегать домой. Миша молчал, делал вид, что ничего не происходит, свекровь впервые в жизни растерялась. А я, похорошев, повеселев, с утра до ночи находилась на работе. И, если уж совсем честно, я не всегда спала в супружеской кровати. Старый, но богатый Леонид Ильич показался мне намного привлекательнее молодого бедного Миши.

У меня снова закружилась голова.

– Я изменила мужу?

– Да, – кивнул Филипп Андреевич, – уж извините. Понимаю, вы неловко себя чувствуете, но...

– Невероятно, – прошептала я, – с трудом в это верится. Понимаете... э... ну...

– Говорите спокойно, – приободрил меня Филипп Андреевич, – доктора не надо стесняться.

– У меня лишний вес, – пробормотала я, – поэтому я никогда не считала себя красавицей. Одежда на мне сидит плохо, купить ее – проблема, на толстух шьют нечто мешкообразное, серо-буро-малинового цвета. Видела один раз программу «Модный приговор», там стилисты нарядили тетку, типичного слонопотама, в ярко-голубое платье, повесили ей на шею кольцо. Еще она выходила в джинсах с узкими штанинами и свитере до колен. Выглядела прекрасно. Я решила приобрести себе такой же наряд, но не нашла в магазинах ничего подобного.

– Танечка, вы таковы, каковы есть, – улыбнулся Филипп Андреевич, – громоздкость фигуры существует лишь в вашей голове. Вы носите, думаю, пятидесятый размер. Такой у большинства российских дам. А что касается...

– Не угадали, – перебила его я, – у меня пятьдесят шесть-восемь.

– А что касается, – повторил Маслов, – господина Коровина, он обожал корпулентные фигуры. Только не говорите того, что хотите сказать.

– Вы знаете, что я собираюсь сказать? – фыркнула я.

– Конечно, – кивнул врач. – Вы сейчас запоете: «Я уже не молода, тридцатилетие на носу...» Леониду Ильичу семьдесят. Вы для него сочный сладкий персик... Он был уже не молод.

– Был, – повторила я.

Маслов развел руками:

– Увы! Коровин погиб в автомобильной катастрофе, а вы остались невредимы. Вас привезли на «Скорой» в муниципальную клинику и, обнаружив, что никаких травм или угрозы вашей жизни нет, оставили лежать на каталке в коридоре. Вам надо каждый день молиться за свекровь. Она мне рассказала, что позвонила сыну домой, хотела поговорить с вами. Миша сказал:

– Танечка сегодня не ночует дома.

Этти ощутила беспокойство.

– Миша, случилась беда.

– Ты же знаешь, Танюша очень много работает, – деликатно ответил сын, – она завтра вернется.

Но Этти принялась обзванивать больницы и нашла невестку, которая впала в кому.

– Этти меня определила к вам, – пробормотала я.

– Верно, – кивнул Филипп Андреевич, – вы умница, не переживайте. Я знаю людей, которые, забыв прошлое, прекрасно живут дальше.

– Намекаете, что я никогда не восстановлюсь? – уточнила я.

– Кто это сказал? – делано возмущился доктор. – Вы демонстрируете успехи. Вспомнили Этти, мужа, своих родителей, бабушку.

– Ну да, – промямлила я, – а вот момент аварии начисто забыла.

– Отлично, – вдруг рявкнул Маслов, – зачем держать в уме травмирующие воспоминания о том, как Леониду оторвало голову?

– Оторвало голову? – повторила я.

– Нет, нет, немедленно это забудьте, – приказал доктор. – Я абсолютно уверен: вы впали в кому из-за того, что провели пару часов в машине рядом с изуродованным трупом.

Книжный шкаф, который стоял у противоположной стены, стал качаться, я вцепилась в подлокотники кресла. И вдруг поняла: мое состояние не связано с рассказом о страшной смерти Коровина. Я ничего не помню. Леонид Коровин для меня всего лишь имя-фамилия.

– Не можете вспомнить своего любовника, – догадался Маслов, открыл письменный стол и положил передо мной фотографию.

– Узнаете?

– Конечно, я вижу себя, – после небольшого колебания ответила я, – хотя...

– Если что-то вас тревожит, удивляет, сразу сообщите мне, – велел эскулап.

– Очень уж я тут толстая, – вздохнула я, – и платье старое, вроде я уже не ношу его.

Я умолкла. Что не так на снимке? Почему он мне кажется странным? Вроде обычное фото. Я в темно-синем сарафане, в руках сумка, из которой торчит полотенце.

– У машины стоит Леонид, – пояснил Маслов.

Я уставилась на немолодого мужчину, смело одетого в розовые брюки и голубую рубашку.

– Никаких эмоций, – пробормотала я.

– Они появятся, – заверил Филипп Андреевич, – хотя иногда лучше, когда чувства присыпаны душевной анальгезией, как угли пеплом.

Я зевнула, один раз, другой, третий...

– Вы устали, – констатировал врач, – пора отдохнуть.

Глава 3

Очутившись в своей палате, я пошла в санузел, хотела посмотреть в зеркало и обнаружила, что его нет. На стене между стаканчиком для зубных щеток и мыльницей висела картинка с изображением водопада.

Я вышла в коридор, подошла к стойке, за которой сидела медсестра, и сказала:

– Простите, пожалуйста!

Девушка в белом халате подпрыгнула на стуле, захлопнула книгу и выдохнула:

– Вот напугали!

– Простите, я не хотела, – смутилась я, глядя на обложку.

Медсестра читала книгу Смоляковой.

– Очень старый детектив, – неожиданно сказала я.

– Почему? – удивилась дежурная. – Вчера купила его у метро.

– Можно посмотреть роман? – попросила я, потом взглянула на бейджик на ее халате и добавила: – Надя, я аккуратно книгу полистаю.

– Пожалуйста, – разрешила блондинка.

Я взяла криминальное чтиво в потрепанной обложке и увидела год издания. Почему-то мне стало не по себе.

– Надя, какое сегодня число?

– Не поверите, ни день недели, ни дату не помню, – захихикала медсестра, – прямо день сурка. Встала, кофе попила, градусники-лекарства раздала, и понеслось так до ночи, завтра то же самое и послезавтра. Все сутки похожи, как яйца. Календарик висит на стене.

Я подошла к глянцевому календарю, увидела красное окошечко и опять занервничала.

– Что-то не так...

– Позвать врача? – спросила медсестра. – Опишите свое самочувствие: голова болит, кружится, сердце трепыхается, затылок тянет, душно, нос заложило...

– Ничего такого, – успокоила я ее, – просто я волнуюсь. Душевного спокойствия нет.

– Забудьте, – махнула рукой Надя, – тут все такие. Нервные. Вы, наверное, устали.

– Есть немного, – призналась я.

– Ложитесь спать, уже поздно, – посоветовала Надежда. – Любите кефирчик?

– Да, – кивнула я.

– Сейчас принесу, – пообещала медсестра, – умывайтесь пока.

Я вздохнула:

– У меня в санузле нет зеркала. Наверное, кто-то разбил, а новое повесить не успели. Немного неудобно, что не можешь себя видеть.

– Зачем вам на свое отражение любоваться, – хихикнула Надежда, – небось миллион раз свою мордочку обозревали. Ничего нового не увидите. Вы красавица.

– Спасибо, – засмеялась я и пошла по коридору в сторону двери с табличкой WC.

– Танечка, ваша палата напротив поста, – напомнила Надя.

– Это я пока помню, – сказала я, – хочу зайти в туалет.

– Он для сотрудников, – пояснила Надя, – у вас в палате свой унитаз есть.

– В служебный санузел больным запрещено заглядывать? – уточнила я.

– Что вы, – опешила Надежда, – разве у нас тюрьма? Можете бродить где душе угодно, все открыто, кроме кабинетов врачей и шкафов с лекарствами. Просто в нашем туалете кафель и сантехника дешевые...

– Пустяки, – отмахнулась я и вошла в сортир.

Помещение и впрямь выглядело аскетично. Сразу у двери стояло два бачка с новыми и использованными бахилами. Над ними висел приказ: «Как вошел, надень! Перед уходом

сними». В кабинке стоял простой унитаз с бежевым пластмассовым кругом. К стене был прикреплен держатель с рулоном серой дешевой туалетной бумаги. Рукомойник тоже был не из дорогих, слева и справа от него висели полочки. На одной стояла бутылка с этикеткой «Антисептик», на другой – дозаторы с гелем и какой-то бордовой жидкостью. Зеркала не было. Вместо него висело объявление: «Медперсонал! После посещения уборной сначала тщательно обрабатывайте руки синим мылом, потом используйте красное. Смойте. Высушите. Нанесите дезинфицирующий состав. Не ополаскивайте. Не путайте последовательность действий: синее мыло – красное – мирамистин. Внимание! После выхода в коридор обязательно снимите бахилы. Персонал, который не соблюдает правила, будет первый раз строго предупрежден, во второй оштрафован, в третий уволен».

Я вернулась на пост:

– Строго здесь у вас!

– Вы про плакатики? – спросила Надя. – У нас такие во всех отделениях. А как иначе? Народу кнут нужен. Хотя некоторых что бей, что не бей – толку ноль. Любите корицу?

Я удивилась неожиданной смене темы беседы.

– Да. Почему вы интересуетесь?

– Кефирчик мы даем с разными вкусовыми добавочками, – зачирикала Надя. – Лично я корицу предпочитаю. Но она не всем нравится, больные говорят: «Никогда ее в кисломолочный продукт не кладем».

– Мне тоже это не приходило в голову, – призналась я.

– Хотите попробовать? – предложила Надя. – Если не по вкусу придется, дам другой кефир, черносмородиновый.

– Пойду на эксперимент, – решительно ответила я.

– Правильно, – одобрила Надя, – а то некоторые всю жизнь одно и то же пьют-едят, надевают. Тоска зеленая. Сейчас трудные времена. Российских продуктов почти нет, все заводы в перестройку порушили, только-только они из руин встают. Все продукты импортные! Цены жуть! За кефир состояние отдать надо. Поэтому пейте и ешьте у нас побольше. У меня завтра отпуск начинается! Жду не дожусь! Такие планы! На море полечу!

Безостановочно тараторя, Надя не забывала работать руками. Под аккомпанемент собственной болтовни она открыла холодильник, вынула оттуда бутылочку с этикеткой «Кефир. Корица», налила в стакан.

– Угощайтесь.

Я сделала глоток.

– Ну как? – осведомилась Надя. – Супер, да?

– Необычно, – протянула я, – вкус не совсем кефирный.

– Выпейте, на пятом глотке распробуете и еще попросите, – пообещала медсестра.

Я послушно осушила стакан.

– Все равно странно. Специя забила вкус кефира, навряд ли я стану фанатом этого продукта. А почему в туалете нет зеркала?

Надежда махнула рукой:

– Народ безответственный. Зайдет в сортир и давай рожи корчить, волосы поправлять. Вместо пяти минут полчаса у рукомойника провертится, устроит себе внеплановый перерыв. А работа стоит.

– Но и в палате нет возможности на себя посмотреть, – напомнила я.

Надя оглянулась по сторонам и понизила голос:

– Нам не разрешено правду говорить, но вы-то нормальная. У нас особая клиника. Сюда привозят тех, кто... ну... э...

– Говорите как есть, – посоветовала я.

Надежда облокотилась о стойку:

– Иногда с человеком после операции случается неприятность. Дали ему наркоз, все хорошо, провели, например, удаление аппендикса. Не на открытом сердце работали. Никто особенно не волновался, отправили больного в стабильном состоянии в реанимацию. И! Бац! Кома! Почему? Отчего? Кабы я точный ответ знала, получила бы Нобелевскую премию. Нарушение сознания – подлая штука. Даже один-два дня пребывания в коме могут человеку нанести непоправимый урон. Предугадать ничего нельзя. Я видела больных, которые месяц пролежали без сознания и быстро восстановились. Вот вы, например, две недели в коме провели и вмиг восстали. А другой сутки провел в коматозе и еле-еле потом на ноги встал, разумом помутился. Ладно бы он тихо себя вел. Так нет! Сползет с койки, пошлепает в тубзик, глянет в зеркало и... испугается донельзя. Кто там весь бледный, синий на него уставился? Чужой? И даст кулаком по своему отражению. Человек со скрипом соображает. Плевать на зеркало, да один раз мужику осколком вену перерезало. Вот после того случая зеркала повсюду сняли. Стекла на окнах затянули прозрачной пленкой, свет проходит, сад видно, а отражения нет.

– Понятно, – кивнула я, – но, может, разрешите в вашу пудреницу взглянуть?

– Нам запрещено их на работе держать, – отказала Надежда, – безопасность больных во главе угла.

– Слышала, что кого-то врачи специально погружают в кому, – продолжала я. – Зачем это делать, если больной может очнуться невменяемым?

Надя улыбнулась:

– Медицинская кома – другое дело. Ее используют, например, для пострадавших на пожарах. Ожоги болезненны. перевязки превращаются в пытку не только для пациента, но и для медперсонала. Мы-то живые люди, с эмоциями. Человек кричит, его жалко невероятно, а прервать процедуру нельзя. В таком случае погрузить больного в бессознательное благо. Но из нее выходят иначе, потому что врач дозу лекарств точно рассчитывает, строго следит за показателями. Грубо говоря, больной пребывает в наркозе. Понимаете разницу?

Я зевнула:

– Более или менее.

– Спать пора, – пропела девушка, – пойдемте, одеялко подоткну, песенку спою. Шутка. Ни голоса, ни слуха не имею.

Безостановочно зевая, я добрела до кровати и рухнула на нее. Надя заботливо меня укрыла одеялом, выключила свет и предложила:

– Давайте окошечко распахну. Душно в палате, а ночь такая теплая, цветами пахнет.

Слова медсестры донеслись до меня как сквозь вату.

– Угу, – пробормотала я и отключилась.

Глава 4

– Таня, Таня, Таня, – заговорил хриплый голос, – Тань, Танюша, ау, очнись.

Я села, открыла глаза и спросила:

– Кто здесь?

– Этти!

– Кто?

– Мать Миши, твоя свекровь.

Я потрясла головой:

– Никого не вижу.

– Я стою снаружи у окна. Выгляни. Только осторожно вставай. Не дай бог голова закружится.

Я сунула ноги в тапки и приблизилась к открытому окну. В саду маячила темная фигура с абсолютно белым лицом.

– Как самочувствие? – спросила она.

– Нормально, – ответила я. – Этти?

– Что-то не так?

– Или у меня с глазами беда, или у тебя рта-носа нет, – пролепетала я, – подойди поближе.

– Нет, – просипела свекровь, – я простудилась сильно, сопли текут. Боюсь тебя заразить.

С лицом у меня порядок, я маску нацепила.

– А-а-а, – с облегчением выдохнула я.

– Слышишь, как я говорю? Словно пьяный ежик, – продолжала мать Миши, – бронхит замучил.

– Ой! Зачем ты пришла? – испугалась я. – Да еще ночью.

– Сейчас одиннадцать, – прокашляла Этти, – это ты рано легла, наверное.

– Возможно, – согласилась я, – тут часов нет. Уезжай домой, выпей чаю с малиновым вареньем. Мне приятно, что ты меня навестила, но побереги себя.

– Тань, я никогда тебя не обманывала, – вдруг сказала свекровь, – ты мне как дочь.

– Знаю, – подтвердила я, – меня мать родная так не любила.

– И мое отношение к тебе не изменится независимо от того, что случилось.

Мне стало зябко.

– Этти! Врач рассказал, что я вышла на работу и... э... короче...

– Изменила Мише, – договорила за меня свекровь. – Да, это правда.

Теперь меня охватил жар.

– Честное слово, я ничего не помню.

– Не волнуйся, все функции мозга восстановятся.

– Я не могла изменить мужу.

– Почему?

– Не такая я. Ну вообще ничего не всплывает в памяти. Филипп Андреевич фото показал. Я на нем с мужчиной. Никаких эмоций при виде любовника я не испытала.

– Танюша, врач не говорит тебе все как есть. Опасается, что ты остро отреагируешь, – перебила меня Этти, – но я не хочу, чтобы ты правду от посторонних узнала.

Мое сердце замерло, потом быстро-быстро застучало.

– Что случилось?

– Сядь на кровать. Боюсь, ты упадешь, – велела свекровь.

На подкашивающихся ногах я добрела до постели.

– Только не волнуйся, – взмолилась Этти.

И как вы отреагируете, услышав подобную фразу? Лично я при такой просьбе сразу понимаю: сейчас на голову бетонной плитой рухнет беда.

– Сидишь? – уточнил Этти.

– Ага, – прошептала я.

– Дорогая, – прокашляла свекровь из сада, – еще раз говорю: ты мне как дочь. Никогда не сердилась на тебя и впредь не стану. То, что случилось, никоим образом не повлияет на наши отношения. Моя поддержка, любовь, помощь останутся неизменными. Восстанавливайся, возвращайся домой, я найду тебе новую работу. Во сто крат лучше прежней. С большим окладом.

– Что произошло? – пролепетала я.

– Только не нервничай. Тебя не винят в аварии, за рулем сидел Коровин. Ему давно следовало шофера нанять. Возраст не юный, реакция замедленная, плюс алкоголь в крови. Сколько он выпил?

Я растерялась:

– Не знаю.

– Неужели не видела?

– Нет.

Повисла пауза, потом Этти продолжила:

– Танюша, вы вместе сидели в ресторане.

– В каком? – спросила я.

– А названия никто, кроме тебя, не знает, – растолковала свекровь. – ГАИ обнаружила машину на шоссе после ДТП, водителю оторвало голову. Ты находилась рядом в состоянии ступора, похоже, очень испугалась.

Я молча слушала Этти. Ничего себе «испугалась»! Я, скорей всего, онемела-ослеплагохла от ужаса. Очутиться около обезглавленного тела – мощный стресс.

– Когда приехала машина ДПС и тебя вытащили из салона, гаишник спросил: «Ваше имя?» Ты ответила: «Мы с Леней ужинали в ресторане. Поехали к нему домой. Где Коровин, позовите его скорее».

– Ничего не помню, – с отчаянием призналась я.

– А что накануне происходило, задержалось в твоей памяти? Ваша беседа с Мишей?

– Нет, – простонала я.

– О господи! Я думала, хоть тот разговор не выветрился.

– Этти, – взмолилась я, – перестань ходить вокруг да около. Говори начистоту. Имей в виду, у меня никаких воспоминаний нет. В голове компот! Про то, что завела любовника, я начисто забыла. Аварию тоже.

– А что ты можешь о себе рассказать? – поинтересовалась Этти. – Меня ты узнала?

Я кивнула:

– Да, да. Что еще? Миша жарит картошку с сосисками, очень вкусно у него получается. Вот!

– Отлично! – слишком бурно обрадовалась Этти. – Гениально. Ладно, слушай.

Я наострила уши. Свекровь начала излагать события. Первая часть рассказа совпала с тем, что я уже слышала от доктора Маслова. Но потом я услышала другую историю...

Сообразив, что законная жена пошла налево, Миша приехал к матери и попросил совета, как ему теперь жить? Этти попыталась починить любовную лодку, объяснила, что в измене виноваты оба супруга. Наверное, он был холоден с женой, невнимателен. А она обиделась, стала искать внимания на стороне. Надо им просто сесть вдвоем и поговорить. Михаил уехал в плохом настроении, неделю не общался с матерью, а потом произошла авария.

Когда сотрудники милиции сообщила родственникам о ДТП, свекровь и муж прилетели в клинику. Этти не пустили в реанимацию, а Михаилу разрешили войти. Он пробыл в палате меньше минуты, вышел с белым лицом.

– Таня умерла? – ахнула Этти.

– Нет. Скончался я, – отчеканил сын.

– Господи, что случилось? – задергалась его мать. – Доктор сказал, что она без сознания. Миша расхохотался:

– Да ну? Я взял Таню за руку, она глаза открыла и на всю ивановскую объявила: «Доброе утро, Ленечка. Как ты спал? Люблю тебя сегодня больше, чем вчера». Ну я и ушел!

Этти никогда не теряла дар речи, но в ту минуту она не нашлась что сказать. Сын, продолжая смеяться, убежал. Мать поспешила за ним, но Миша успел первым влететь в лифт и уехать. Этти пришлось минут пять ждать кабины, когда она очутилась в вестибюле, сына и след простыл. Несколько часов Этти не могла связаться с Мишей, поехала к нему домой, открыла дверь своим ключом и увидела на зеркале листок бумаги, приклеенный скотчем. На нем было одно слово: «Маме». Этти развернула послание, прочитала: «Я в спальне», перепугалась...

Свекровь замолчала.

– Дальше, – еле ворочая языком, попросила я.

– Миша покончил с собой, – наконец-то выговорила свекровь, – оставил тебе записку.

Послышался шорох, на подоконнике появился конверт.

– Извини, его милиционеры вскрыли. Тань?

– Слушаю, – только и смогла сказать я.

– Миша всегда отличался излишней нервозностью. Не думай, что ты его убила.

Я сидела молча.

– Он сам повесился, – продолжала Этти, – не позволяй произошедшему исковеркать твою жизнь. Не поступай, как Катя, дочь Светы, моей подруги. Она тоже мужу изменила. Федя отравился, а Катька вслед за ним отправилась, таблеток наглоталась. Не оставляй меня одну. Давай жить дальше.

– Эй, что вы в саду делаете? – забасил грубый голос.

– С невесткой общаюсь, – пояснила Этти.

– Отбой сыграли, уходите, – велел мужик, – нечего под окном прыгать. Завтра, если врач разрешит, в палате свидитесь.

– Нам поговорить надо.

– После восьми вечера посторонним запрещено находиться на территории.

– Я ее свекровь.

– Женщина, уматывайте по-хорошему.

– Прочитай и отдай мне записку, – велела свекровь.

Я кое-как поднялась, держась за стену, подошла к подоконнику, взяла конверт, вынула неровно оторванный листок и прочла: «Татьяна! Жизнь без тебя мне не нужна. Счастья тебе с Леонидом. В моей смерти виновата ты. Прощай. Встретимся в аду. Миша».

В висках застучали молоточки, под черепом зазвенело. В спину будто воткнули острый нож, он не давал возможности вздохнуть, ноги отнялись.

– Таня! – прохрипела Этти. – Я скоро вернусь.

Раздался звук шагов.

Не спрашивайте, как я добралась до койки, я ничего не помню.

Глава 5

С веселым лаем Роки прыгнул мне на грудь и облизал лицо.

– Уйди, безобразник, – попросила я и взглянула на будильник. – Который час? Шесть?
С ума сошел.

– И Мозес тоже, – пробормотал с другой стороны кровати муж, – давно скачет.

– Что с собаками? – спросила я.

– Напекают, что пора вставать, – зевнул супруг, – кофе хочу.

Я ощутила аромат арабики, и вдруг все завертелось перед глазами, я очутилась в трубе, пронеслась по ней и услышала:

– Танечка – душечка! Танечка – ягодка! Танечка – кисонька!

– Очень кофе хочется, – произнесла я.

Послышалось бульканье.

– Танюша, глазки распахнем! Водичка тут.

Я открыла глаза и не сразу сообразила, где нахожусь.

– Доброе утро, – ласково сказала симпатичная девушка в белом халате. – Как спалось?

– Здесь бегали собаки, – протянула я. – Две, скакали по кровати, вроде и...

– Танечка, в больницу нельзя приводить животных, – перебила меня незнакомка, – вам привиделся сон. Давайте познакомимся. Я Карина, медсестра.

– Таня, – машинально представилась я, – Сергеева, начальник...

Язык замер. Начальник? Вот же глупость! С чего это мне в голову взбрело! Никогда я никем не руководила.

– Знаю вас, – затараторила Карина, – в медкарте все сведения есть, – Татьяна Сергеева, замужем, москвичка, по образованию преподаватель русского языка и литературы. Ой, как я вам завидую!

– Чему? – вздохнула я. – Кофе? Потере памяти?

– Профессии, – защебетала Карина. – Наверное, учителю нужно много читать!

– Дружить с книгой полезно всем, – заметила я.

– Обожаю романы, – закатила глаза девушка, – да времени нет. Дома дел полно, на работе еще больше. А вам по службе положено любовные сюжеты изучать.

– В школе преподают классику, – уточнила я, – «Анна Каренина», «Война и мир».

– Скукотень, – поморщилась девушка, – я люблю страсти.

– В «Анне Карениной» их много, – усмехнулась я.

Карина отмахнулась:

– Ерундово написано. Нудно. Предложения длинные. В «Войне и мире» вообще половина текста на немецком.

– На французском, – поправила я.

– Однофигственно, – махнула рукой девушка, – все равно непонятно. Надо сноски, примечания смотреть. Влом это. Вот когда дело происходит в замке на берегу моря, она у него горничная, ее не замечают, а потом наконец любовь. И про постель красиво написано... Обожаю!

– Хочу только пакет забрать, – раздался из коридора сердитый голос.

– Сказано, проваливай, – прозвенел дискант, – иначе охрану вызову.

– Тапки взять хочу.

– Уматывай!

– Они мои собственные.

Карина поспешила к двери:

– Простите, я сейчас вернусь!

Не успела за медсестрой закрыться дверь, как я встала и приоткрыла захлопнутую створку. В щель я увидела коридор, стойку, за которой сидела незнакомая женщина. Карина и худенькая девушка в синем платье стояли спиной ко мне.

– Оборзели совсем, – возмущалась последняя, – моя обувь, на мои деньги куплена.

– Уматывай подобру-поздорову, Лизка, – зашипела медсестра на ресепшен, – неровен час Филипп Андреевич появится. Тебя-то совсем на фиг пинком вышибут, и нам с Каринкой влетит, штраф наложат.

Девушка зашмыгала носом:

– Злые вы. Про меня не знаете, а судите!

– Лиза, – начала Карина, – я и Фаина в курсе твоих проблем. У тебя ребенок без мужа, родных нет. Сыну няня нужна, продукты свежие, за съемную квартиру платить нечем.

– Ты каждому жалуешься, – ехидно заметила Фаина, – а, между прочим, у нас с Карой тоже в кошельках не густо.

– Вы в два раза больше моего получаете, – заныла Лиза.

– Я стараюсь выполнять работу безупречно, – отрезала Фаина, – потому меня и повысили. Мы безотказные с Каринкой. Двое суток дежурить надо, трое? Да мы с радостью. А ты стонала: «Спать хочу».

Елизавета опустила голову:

– Я просто так говорила. Хотела с вами подружиться.

– Средний медперсонал не имеет права болтать, – покраснела Фаина, – нашла аргумент глупее некуда. Сваливай отсюда. Да скажи спасибо Филиппу! Не выгнал тебя вон, перевел в пятый корпус.

– К маразматикам? – возмутилась девушка. – Они под себя ходят! А мне им пеленки менять! Отдайте тапки! Они дорогие.

– Елизавета, покиньте отделение, – тоном диктора заявила Фаина. – На правах старшей медсестры приказываю вам очистить помещение.

– Фигу тебе, – взвизгнула бывшая коллега и кинулась по коридору вперед.

– Лови ее! – азартно взвизгнула Фая, бросилась следом и с криком «Кара, скорей!» пропала за поворотом галереи.

Вторая девушка полетела на зов. И тоже исчезла за поворотом. Но уже через секунду зазвенели голоса.

– Упирается дрянь, – сказала Фаина.

– Вот пакость, – подхватила Карина.

Потом в зоне видимости появилась живописная группа из трех медсестер.

– Отпустите меня, гадины, отдайте тапки, мне их подарил любимый человек, – голосила Елизавета, которую две другие девушки тащили за руки.

– Врешь много, – фыркнула Фаина, – то сама купила, бездну баблосиков потратила, то это презент, оказывается!

– Приобрела сама, а он денег дал, – пояснила девица, тормозя ногами. – Остановитесь. Мне плохо! Голова кружится, тошнит! Вы меня до смерти доведете. Я заболела! Будьте милосердны!

– Слушай, – разозлилась Карина, – у нас эксперимент идет, работать надо. А ты мешаешь. Зная твои обстоятельства, мы охрану не вызвали, по-человечески к тебе отнеслись. Если сейчас не свалишь, позовем парней. Прощайся тогда со службой в медцентре навсегда.

– Тапки верните, – простонала Лиза.

Фаина пинком распахнула дверь, медсестры вытолкнули возмутительницу спокойствия за пределы отделения.

– Фу, – выдохнула Карина. – Как она вошла?

– Да фиг его знает, – тяжело дыша, ответила Фаина, – сижу, журнал заполняю. Опаньки! Стоит, красота неопиcуемая, у стойки!

– Может, отдать ей чертовы шлепки? – вздохнула Карина. – У Лизки и правда денег нет.

– А кто виноват? – взвилась Фаина. – Эмилия ее еще пожалела. Не выперла на улицу. В медцентр перевела. А следовало лентяйку и сплетницу сунуть в помойку головой. С финансами у нее проблема? Ой, сейчас зарыдаю. Кто Лизке велел не пойми с кем спать, а потом от него еще и рожать?

Карина издала протяжный вздох:

– Она сказала, что влюбилась в мужика. Тот был намного ее старше, женат, обещал развестись, расписаться со Снеговой...

– Еще остались те, кто в это верит? – рассмеялась Фаина. – Ну так они редкостные дуры. Нормальные бабы давно усекли: не замай чужое, самой потом хуже будет. И никогда мужик законный брак не разобьет, он просто с очередной кретинкой переспать хочет. Ты Лизку зря жалеешь...

И тут у меня в носу зачесалось, я потеряла переносицу, но все равно чихнула, громко, со вкусом, так и не успев прикрыть рот ладонью. Медсестры вмиг замолчали. Я опрометью кинулась в ванную, через секунду из палаты раздался голос:

– Танечка, вы не простудились?

Я замотала на голове полотенце и высунулась из санузла.

– Так громко получилось, что вы на посту слышали?

– Да, – улыbnулась одна из девушек, – я испугалась, вдруг вы насморк подцепили.

– Нет, – затараторила я, – мыло очень душистое, запах нос защекотал...

– Слава богу, – обрадовалась медсестра, – но давайте для моего спокойствия градусник поставим. Кушать хотите? Завтрак через полчаса. Могу вам кофейку сварить.

Я похлопала себя ладонями по бокам.

– Мне не вредно полгода на диете посидеть. Толстая я очень.

Фаина махнула рукой:

– Неправда. Комплексы у вас расцвели, которые злые люди в детстве посеяли. Кто-то маленькой Танюше в уши жужжал: «Жирная корова, жри меньше, должно помочь».

Я опустила глаза.

– Ага! Я угадала, – обрадовалась девушка, – одноклассница вас тиранила? У нас в школе была одна вредина, маленькая крыса, вечно всех шпыняла. Вот меня гадюка третировала за прическу.

Фая сняла косынку и стянула с «хвоста» резинку.

– Видите?

– У вас роскошные волосы, – восхитилась я. – Вьются. Цвет потрясающий, как у дорогого горького шоколада.

Фаина снова сделала «хвост» и повязала косынку.

– Девчонка всем наговорила, что мой отец негр, поэтому я его не знаю. Сколько я из-за нее слез пролила! Море. И ведь ее нельзя было упрекнуть во вранье! Одно не понятно, кто правду крысе рассказал, что Вяземская ни биологического отца, ни мать никогда не видела, имен их не слышала. У меня смуглый цвет кожи, карие глаза, темные вьющиеся волосы. Может, я и впрямь мулатка или креолка, квартеронка?

– Дети от смешанных браков всегда очень красивы, – заметила я, – и вы тому доказательство.

Фаина опустила глаза:

– Ой! Это неправда. Но спасибо за комплимент. Лет до двадцати я считала себя уродиней, дворняжкой... И это несмотря на то, что меня удочерили, обожали, хвалили. Но в школе была мелкая дрянь, и она на меня сильно повлияла. Я не помню интерната, хотя провела там

начало жизни. А вот школу не могу выкинуть из памяти. Детские комплексы трудно изгнать. Но я со своим справилась. И вам лучше забыть про лишний вес. Давайте градусничек. Тридцать пять и девять. Не волнуйтесь. С вашим анамнезом такая температура естественна.

В дверь постучали, раздался голос Карины.

– Танечка, завтрак можно подавать?

– О-о-о! Сегодня пораньше, – обрадовалась Фаина, – кушайте на здоровье. Надо все-все съесть. Без остатка. И вот таблетка. Позавтракайте и примите. Только после еды, а то желудок заболит.

Карина с Фаей ушли, я взяла розетку с пилюлей и уронила ее себе на грудь. Следующие минут пять я искала лекарство, но так и не нашла его. Решив не переживать из-за пропавшей таблетки, я собралась с аппетитом позавтракать.

Глава 6

– Эй! Тебя как зовут? – прошептали из окна.

Я уронила на кровать нож, которым намазывала масло на кусок очень вкусного, возможно, домашнего хлеба.

– Выгляни в окно, – попросила женщина, ее голос показался мне знакомым.

Я последовала совету и увидела медсестру.

– Привет, – прошептала та, – Елизавета! Господи! Боже!

На секунду мне стало обидно. Я такая толстая, что молодая женщина, чье лицо почему-то кажется мне знакомым, затряслась от ужаса.

– Мое имя не Елизавета, а Таня, – возразила я. – Вы испугались, увидев меня? Я такая страшная? Жирная корова?

– Елизавета это я, – объяснила медсестра. – Никого я не боюсь, просто у меня присказка такая, постоянно ни к селу ни к городу твержу: «Господи! Боже!» Ночью тебе дрянь снится? Память потеряла? Так?

– А что? – задала я свой вопрос.

– Если поможешь мне, объясню, как от твоих чудовищ избавиться, – зашептала Лиза, – тебя тогда отсюда выпрут домой как неподходящую.

– Для чего? – удивилась я.

– Потом объясню, – отмахнулась Лиза. – Ты ничего не помнишь, на голову словно ватный матрас накинули, ноги слабые. Верно?

– Да, – подтвердила я, – но, говорят, после комы это вполне нормально.

– Предлагаю бартерную сделку, – совсем понизила голос Елизавета, – через минут сорок Файка и Каринка свалят на летучку. Отделение они запрут, чтобы ты не удрапала.

Я сказала:

– Тот, кто лежит на первом этаже, в любое время дня и ночи в окно выскочить может.

– Ага, – хихикнула Лиза, – и куда ты денешься? На воротах охрана, забор до неба, гладкий, как обсосанный леденец. Назад идти придется. Так-то. Медсестры всегда парой на головоймоек бегают, завтрак разнесут, наркоту раздадут. Все объясню, расскажу, что сделать надо, чтобы память вернулась. Но только если ты выполнишь мою просьбу.

– Какую? – предусмотрительно уточнила я, рассматривая через распахнутое окно симпатичную девушку.

На лице Лизы сияли огромные небесно-голубые глаза, у нее был крупный рот, красивые зубы. Одета она была в синий халат, или это платье? Нижняя часть фигуры девушки была скрыта. Зато я отлично разглядела огромный медальон на ее шее: круглый, размером с дно стандартной кружки. На нем был выдавлен белый ангел с розовыми крыльями, в руках перед собой он держал православный крест во весь свой рост. Я уставилась на украшение. Почему оно мне кажется знакомым?

– Сделаешь? – поинтересовалась Елизавета. – Чего молчишь?

– Разве можно что-то обещать, не зная, о чем идет речь? – спросила я.

– Ерундень. Мои тапочки. Я забыла их в лаборатории. Понимаешь, мне велели по делам сходить, я рабочую обувь сняла, надела уличную и ушла. А когда вернулась, узнала, что меня отправили работать в другой корпус. Сюда я не вернулась. И что? Они мне туфли не отдают. Когда Файка и Каринка, две змеи, уползут, пройди по коридору до последней двери, на ней увидишь табличку: «Посторонним вход воспрещен, своим тоже не стоит часто сюда ходить».

Я покачала головой:

– Мило.

– Дурдом, – вздохнула Елизавета, – обувь под маленьким столиком, на нем чайник стоит. Кстати, кипятить воду в сестринской строго запрещено. Да Файке с Каркой наплевать на инструкцию. Ради себя они любые законы нарушат. А вот если о других речь идет, тут все крошечки проверят-пересчитают. Жабы!

Я подошла к окну:

– Вы хотите, чтобы я забрала ваши тапки?

– Да! – обрадовалась Лиза.

– А вы за это расскажете, как мне память себе вернуть?

– Точно. Сообщу про все, чем в лаборатории занимаются.

Я облокотилась о подоконник:

– Зачем мне знать о научных исследованиях? Я лежу не там, где что-то изучают.

– Дурочка, это отделение и есть лаборатория, – хмыкнула Елизавета, – пока ты мне не помогла, ни звука не вымолвлю, и, уж поверь, если правду не узнаешь, подохнешь тут в корчах. Я же тебе дам шанс спастись. Решай.

– Хорошо, – согласилась я.

– Молодец! – обрадовалась Лиза. – Давай, вперед.

– Как открыть запертую дверь? Или она не запирается? – осведомилась я.

Лиза протянула небольшой предмет, похожий на шариковую ручку:

– Это...

– Электронная отмычка, – ляпнула я.

– Откуда ты знаешь? – прищурилась медсестра.

Но я сама пребывала в удивлении. Каким образом в голову учителя русского языка и литературы попали сведения об этом инструменте? Где Пушкин и где отмычка? Поэт и приспособление для воров далеки друг от друга, как белый медведь от черепахи. Возможно, в зоопарке эти животные могут подружиться и даже полюбить друг друга, но в природе у них нет шансов встретиться. Хотя, вероятно, в мою бытность секретарем Коровина кто-то познакомил меня с отмычкой.

Я взяла «ручку» и уверенно повернула ее нижнюю часть, появилась тонкая стальная палочка.

– Вау! В свободное от обучения детей время ты грабишь квартиры? – ухмыльнулась Елизавета.

– Нет, – ответила я, – мне больше нравится печатать денежные купюры на домашнем станке.

– Тапки в пакете, – продолжила Лиза. – Когда жабы появятся, попросись погулять. Тебе дадут плед на скамейку постелить, спрячь под ним кулек с обувкой и топай в парк. Территория, где на дорожках красная плитка – парковая. А тропинки с желтым покрытием – садовые. Тебе нужна одна из них с указателем: «Сторожка». Маршируй по ней до тупика. Встречаемся там через полтора часа. Если чуть задержишься, не страшно. Все ясно?

– Вроде да, – подтвердила я и пошла в ванную, чтобы почистить после еды зубы, наклонилась над раковинкой... В ту же секунду откуда-то выпала таблетка и провалилась в слив. Пилюля на сей раз пропала безвозвратно. Идти просить другую? Объяснять, какая я идиотка? Ну уж нет! Я себя и без лекарства прекрасно чувствую. А если ничего не болит, то зачем мне препарат? Врачи любят запихнуть в пациента побольше химии, но мне она явно ни к чему.

Глава 7

Около небольшого домика, где, скорей всего, садовник хранил лопаты-грабли-лейки, я очутилась в указанное время и еще издали увидела Лизу, которая, вот уж странность, лежала на скамейке. Я приблизилась к медсестре и тихо сказала:

– Я принесла тапочки.

Девушка молчала.

Я повысила голос:

– Я пришла.

Снова никакой реакции, Елизавета даже не пошевелилась. Я посмотрела на нее, потом приложила два пальца к ее шее, не ощутила пульса и задумалась. Что делать? Пойти назад и сказать Фаине с Кариной, что их коллега мертва?

Я повернулась, отошла к большому дереву с дуплом, которое росло неподалеку, и замерла. Минуточку. Почему я решила, что Лиза умерла? У нее приоткрыт рот, не моргают глаза. Оба эти признака подсказали мне проверить шейный пульс. Но откуда я знаю про то, как определить – жив человек или нет? Я преподаватель русского языка и литературы, не сотрудница органов. Почему я не испугалась, не закричала, не умчалась прочь? Где я набралась хладнокровия, которое позволило мне спокойно прикоснуться к трупу? Ответ один: я сплю и вижу очередной сон. Ночью мне снились веселые собаки Мози и Роки, а сейчас вот привиделась история с Елизаветой. Мы с ней не беседовали, я не ходила в сестринскую. На фоне лекарств, которые мне выписал Филипп Андреевич, у меня возникают яркие сновидения, и я принимаю их за реальность.

Я сделала несколько шагов, снова остановилась, вытащила из-под пледа, который несла в руках, пакет, открыла его и обозрела содержимое. Внутри были белые кожаные туфли на платформе, на мой взгляд, весьма неудобная обувь для медсестры. Лиза-то отнюдь не Золушка, ее хрустальные башмачки размера этак сорокового, впрочем, рост у девушки больше метра семидесяти. Но она считает себя коротышкой, поэтому приобрела тапочки на высокой платформе. Меня в детстве бабушка раз по десять на дню называла обжорой, толстухой, вероятно, к Лизе добрые люди обращались: «Эй ты, гном коротконогий!»

Я поставила туфли на траву и снова засунула нос в пакет, на котором была надпись: «Супермаркет “Макс”». На самом дне валялась скомканная бумажка, которую я не заметила, когда проверяла в сестринской содержимое пакета. Я не шарила в нем, просто открыла его, убедилась, что внутри тапки, и отправилась на прогулку. Я вытащила комок и расправили его. Чек! Некто купил чуть более недели назад в шесть утра две булочки с изюмом, пакет морса, сто граммов сыра в вакуумной упаковке, столько же сырокопченой колбасы, пачку творога, орешки кешью, чай и шоколадку. Заплачено за все...

Я замерла. Стоп! Отлично помню, какой год на дворе, месяц и день. Вчера медсестра Надя показала мне календарь. И она же посетовала, что сейчас трудно с продуктами. Те, что есть в магазинах, бессовестно дорогие, потому что привезены издалека. А наши, российские, отсутствуют, потому что во время перестройки производство рухнуло. Но некто, скорей всего Елизавета, идя на службу, купила в магазине «нашенские» сыр, колбасу, творог, чай, орехи, морс, шоколад. И заплатила за них недорого.

– Помогите! – заорали слева. – Кто-нибудь! Люди! Скорей! А-а-а!

Вопль начал удаляться. Я осторожно выглянула из-за ствола дерева и увидела спину женщины, которая убегала по дорожке. На незнакомке был синий халат, в правой руке она держала метлу, левой сильно размахивала. Мой взгляд переместился на скамейку, где лежала Лиза. Я поняла, что скоро сюда явится охрана, бросилась к дереву с дуплом, засунула в отверстие пакет с обувью и пошла назад. Перед глазами плясали разноцветные круги, в голове будто вклю-

чили кофемолку. Судя по календарю, который висит в отделении, сейчас середина девяностых. Ладно, допустим, что Елизавета имела доступ к магазину для элиты, где продукты продают почти даром. И там можно купить деликатесы вроде отечественной сырокопченой колбасы. Но кто объяснит мне, почему на чеке указана совсем иная дата, чем на календаре? Чему верить? Численнику или скомканному чеку в пакете, который свидетельствует, что сейчас уже двадцать первый век? Я схожу с ума? Или сплю? Мне дают наркотики, поэтому у меня глюки? Надо позвонить Эtti, попросить в отделении разрешения воспользоваться телефоном.

Я побежала по желтой дорожке, свернула на красную, долетела до перекрестка и растерялась. Куда идти? Указатели отсутствуют, гуляющих нет!

Я повернула налево и минут через десять очутилась у запертых ворот.

– Ищите что-то? – поинтересовался охранник, выходя из маленького домика.

– Заблудилась, – ответила я, глядя на двух старушек, которые мирно бродили по территории за изгородью.

– Вы живете в доме престарелых? – осведомился парень.

Отлично. Я выгляжу столетней бабкой. Поймите меня правильно, я уважаю пенсионеров, но, когда ты совсем молода, не хочется слышать вопрос, который задал мне секьюрити.

– Девушка, как вы сюда попали? – осведомился охранник. – Лежите в медцентре? Далеко забрели. В каком корпусе лечитесь?

– Все в порядке, она наша больная, – раздался за спиной женский голос.

Я обернулась и увидела Карину.

– Заблудились? – заулыбалась та. – Небось устали. Свежий воздух утомляет, а вы совсем слабенькая. Надо вернуться в палату.

Я показала рукой в сторону трехэтажного дома, вокруг которого цвели кусты сирени.

– Почему там люди, а здесь никого нет?

– Потому что это разные учреждения, – пояснила Карина, – за забором дом престарелых.

– Охранник спросил, не там ли я живу, – с обидой в голосе наядбничала я.

Медсестра улыбнулась:

– Это не значит, что вы похожи на египетскую мумию. В интернате живут и молодые, несколько человек с синдромом Дауна. Родители, узнав о диагнозе, оставили их в роддоме. Судьба таких малышей чаще всего печальна, они попадают в детдома, и не во всяком учреждении с ребенком обходятся хорошо. Вот тем крошкам, которые оказываются при монастырях, повезло. Знаю, что в Марфо-Мариинской обители в Москве открыт приют для девочек-даунят. Монахини с ними активно работают, там есть и педагоги, и психологи, и логопеды, занимаются развитием мелкой моторики, танцами, гимнастикой. В результате девочки умеют читать, писать, обладают хорошим здоровьем, и можете мне не верить, но их удочеряют православные семьи. Судьба же тех, кто вырос в муниципальных интернатах, не завидна, чаще всего бедняг запирают в домах престарелых. Тут опять кому как повезет. Есть прекрасные интернаты, где для стариков и несчастных молодых людей создают семейную обстановку. Увы, знаем мы и о других заведениях. Но наши подопечные счастливы. Смотрите.

Карина подвела меня к решетке:

– Старушку, которая сидит в инвалидной коляске, зовут Софья Петровна, ей восемьдесят. Катает ее двадцатилетний Игорь.

– Они выглядят счастливыми, – ответила я, – старушка смеется, похоже, юноша ей что-то веселое рассказывает.

Карина заправила под косынку прядь волос:

– Баба Соня попала к нам после того, как сломала шейку бедра. Ей должны были поставить эндопротез, но он стоит денег. У сына ее средств на мать не нашлось, зато на бутылку хватало. Он сажал бабулю у магазина, ставил перед ней картонную коробку с табличкой: «Соби-

раю на операцию», вечером забирал деньги и пропивал. Эмилия Францевна увидела из окна машины старушку, сидевшую без зонтика под проливным дождем...

Карина махнула рукой:

– Все хорошо, что хорошо кончается. Теперь баба Соня живет у нас, в большой комнате с телевизором и личной ванной, получает пятиразовое питание, лекарства. Ей поставили протез, она хорошо ходит, в коляску садится, чтобы Гарик ее покатал. Она считает его своим сыном. Пьяницу начисто забыла, думает, что любимый Игорь купил им квартиру за городом. Это не деменция. Баба Соня прекрасно себя обслуживает, разумна, активный читатель библиотеки. Человеческий мозг хитер, он оберегает тело, поэтому может скрывать информацию, которая, по его мнению, вредит хозяину. Софья Петровна не помнит ничего из прошлой жизни. Для нее существует только сегодня, сейчас. Но наутро она проснется и не вспомнит, чем вчера занималась. Вот Гарика, который ее обожает и зовет мамой, она не забывает. Он же...

– Пи-пи-пи, – полетело из кармана белого фартука с красным крестом.

– Ох, простите, – улыбнулась Карина и вынула рацию, – да, так, ясно! Мы тогда пойдем другой дорогой.

– Что-то случилось? – осведомилась я, видя, что на лице медсестры появилось озабоченное выражение.

Карина тряхнула головой и зачастила:

– Звонил садовник, неподалеку от заднего забора в зоне желтых дорожек упало дерево. Хорошо, что в этой части сада редко кто бывает, дуб свалился, не причинив ни одному человеку вреда. Не беда, пройдем в отделение другим путем.

– Так пошли, как вы хотели, – предложила я, – обойдем дерево.

– Нет, оно перекрыло путь.

– Перелезем через него, – азартно воскликнула я.

– Помешаем рабочему, он ствол пилит, – вывернулась Карина. – Не волнуйтесь, длинная дорога не займет много времени. Нам налево.

– Пи-пи-пи, – снова ожила рация.

– Вернусь через пять минут, – пообещала кому-то Карина. – Что? Врешь. Прости, Фая, я от неожиданности это ляпнула. Немедленно предупреди охрану. Не может быть!

– У вас еще какая-то неприятность случилась? – спросила я.

Карина убрала переговорное устройство:

– Да! Очень большая. У мамы есть кошка Беатриса. Эмилия Францевна обожает ее до потери пульса. Би весьма своенравна, бегает где хочет по маминым апартаментам, по интернату, к нам залетает. Безобразница, но все ее обожают. Сейчас киса куда-то удрала, ее со вчерашнего вечера нет. Утром она не ела.

– Убежала за территорию? – предположила я.

– Я мыслю, как вы, – согласилась медсестра, – но мама в шоке. Надо во что бы то ни стало поймать Би и вернуть ее домой. Фая предупредила охрану.

– Эмилия Францевна ваша мать? – только сейчас догадалась спросить я.

Карина молча кивнула, но я не отставала:

– Это ей принадлежат дом престарелых и клиника?

Медсестра ответила:

– Мамочка милосердный человек. Ее муж заработал в свое время много денег. Мать решила помочь тем, кто наименее защищен в социальном плане: старикам и инвалидам. Она не любит, когда ее детище называют домом престарелых, именуется его «Солнечный сад». Пенсионеры и молодые люди живут там совершенно бесплатно. Но любой денежный запас рано или поздно исчерпывается. Когда мама поняла, что ее казна пустеет, она создала медцентр. Клиника, в которой лечитесь вы, платная. Она уникальна. Только мы можем восстановить чело-

века после длительной комы. Трудная задача, но нам это удастся. Услуги больницы недешевы. Все заработанные средства идут на содержание «Солнечного сада» и оснащение клиники.

Глава 8

Не успела я помыть после прогулки руки, как в палату заглянул Филипп Андреевич.

– Добрый день! Как ваше самочувствие?

– Спасибо, хорошо, – ответила я.

– Готовы пройти тест, а потом пройти на аппаратную процедуру?

Я занервничала:

– Тест? Возникли какие-то вопросы?

– Не надо пугаться, – улыбнулся врач, – давайте скажу иначе: вы можете поговорить со мной?

– Конечно, – заверила я.

– Вот и славно, – сказал врач, – пошли.

– Куда? – уточнила я.

– В мой кабинет, вы там уже были, ничего страшного, опасного, – замурлыкал Маслов, – посидим рядком, поговорим ладком. Тра-ля-ля.

Продолжая напевать, доктор вывел меня в коридор и проводил в комнату, где мы вчера беседовали.

– Садитесь, дорогая. Как спали?

– Очень хорошо, – ответила я, и тут раздался звук льющейся воды.

Филипп Андреевич нахмурился:

– Опять!

– Трубу прорвало? – предположила я. – Надо вызвать сантехника.

– Все в порядке, – заверил врач, – я покину вас на секунду.

Маслов открыл дверь в стене и исчез. Я осталась в кабинете одна, но ненадолго: доктор, как и обещал, вернулся очень быстро.

– Ну-с. Начнем.

– Ш-ш-ш, – снова полетело по комнате.

Эскулап закатил глаза и взял телефон.

– Фаина, сантехник приходил? Почему? Просто нет слов! Неужели для решения такой ерунды придется беспокоить Эмилию? Ладно. Понял.

– Ш-ш-ш-ш, – в очередной раз донеслось до моих ушей, – ш-ш-ш-ш.

– Не знаю, как вам, а мне мешает звук водопада, – рассердился Маслов, – невозможно сосредоточиться.

– И может затопить помещение, – добавила я. – У вас там санузел?

– Да. Душ, умывальник, туалет, – пояснил Филипп Андреевич. – Иногда приходится оставаться здесь на ночь, а после рабочего дня хочется привести себя в порядок. Еще утром я попросил вызвать слесаря, так он, видите ли, занят! «Василий не имеет времени, чтобы зайти к Маслову и устранить неполадки, заявка поставлена в очередь, ждите», – вот так Фаине ответил наш зам по хозяйственной части. Мужик с вантузом как министр! Можно защитить десять диссертаций, стать академиком, но в клинике всегда останется главным сантехник. Перед ним весь персонал расшаркивается, потому что профессоров в медучреждении, как тараканов на кухне, а слесарь один, и у него времени нет таким пустяком, как починка моего бачка, заниматься! И...

Договорить Маслов не успел. Дверь кабинета без стука распахнулась, внутрь вплыл запах дорогих духов, за ним появилась женщина лет тридцати, одетая в светло-розовый костюм.

– Что вы хотите? – сердито спросил Маслов. – Я занят с пациентом. Кстати, перед тем как врываться к врачу, неплохо бы постучать. Вдруг здесь обнаженный человек.

– Вы заняты? – язвительно осведомилась дама.

– Как видите, – повысил голос Филипп Андреевич.

– Гектор! – крикнула незнакомка.

– Вот только собаки мне тут не хватало, – разозлился врач. – Никаких животных в моем отделении!

– Я не пес, – прокряхтел маленький старичок, втаскивая в комнату здоровенный сундук. – Гектор Шлиссельбург, помощник госпожи Мюллер.

Филипп Андреевич опешил:

– Не хотел вас обидеть.

– Услышали имя и решили, что сейчас вбежит дог, – сказал дедок. – У всех такая реакция. Я давно к ней привык и не серчаю, поскольку понимаю: в наше время мало кто может похвастаться фундаментальным образованием. Редкий человек знает, что старший сын троянского царя Приама и Гекубы носил имя Гектор. Или вспомнит великого певца, баса-кантанта, Гектора Гандольфи, он родился в Турине, но потом очутился в СССР. Ну и, конечно, гениальный Гектор Берлиоз, французский композитор периода романтизма. Кроме того...

– Гектор, если ты продолжишь нести чушь, я тебя уволю, – рявкнула дама, – а вы, доктор, уж определитесь, вам мастер по обследованию, корректировке и устранению проблем водоснабжения и отвода нужен или нет? Меня из-за вашего каприза сняли с другого объекта.

Глаза Маслова округлились.

– Вы кто?

– Эбелина фон Мюллер, – живо представил даму старичок, – у нее дипломы с отличием института компьютерных технологий в Лондоне, высшей академии коммунальных услуг в Нью-Йорке, университета имени графа Сортира в Париже. Она не раз побеждала в международных конкурсах планетарного значения, таких как «Золотой унитаз», «Платиновый ершик», «Бриллиантовый сифон»...

– Вы слесарь? – обомлел Филипп Андреевич.

– Что не так? – прищурилась дама.

– Ну... э... э... – замямлил доктор.

Я тоже была шокирована и, наверное, поэтому начала объяснять:

– Слесарь – человек в грязном комбинезоне, он входит в квартиру, не снимая обуви, топает без разрешения на кухню, за ним тянется запах алкоголя и курева. Бормоча себе под нос слова, которые не стоит произносить представителям ни сильного, ни слабого пола, водопроводчик чешет в затылке, потом басит: «Хозяйка, тута фигня ваще сломалась. Че ты с унитазом делаешь? Сама виновата! Хренятину для тебя надо брать на складе. Сначала заявку выписать, потом ждать, когда дадут. Неделю в сортир нельзя ходить. Но ты мне ваще понравилась, поэтому предлагаю: дам тебе ерунденцию, которая другой жадной бабе не достанется. За наличный расчет, прямо тут. Деньгами. Не нравится? Хочешь квитанцию? Жди хрень со склада». А когда вымогатель наконец уйдет, придется долго оттирать на полу следы от его обуви, собирать мусор, проветривать квартиру. И фигня, которую он прикрутил, через день отваливается.

– Вы, наверное, антисемитка? – вдруг спросила дама. – Расистка? Ненавидите собак-кошек? Кем вы работаете?

– Учителем русского языка, – ответила я.

– О-о-о! Они все гримзы, толстухи в растянутых трикотажных кофтах и с прической «Замок монстров». Взяточки. Принесешь такой конвертик, и твой ребенок станет отличником. Не дашь кошмарной бабе мзду, и злобная климактеричка ребенка затравит, – с самой милой улыбкой заявила дама.

– Что за чушь вы несете? – возмутилась я. – Да, встречаются подобные педагоги, но их мало. Основная масса учителей – добрые умные люди, которые любят детей. И что за ерунду вы

сказали про антисемитов и ненависть к братьям меньшим?! Вы со мной незнакомы, по какой причине сделали такие выводы?

Мюллер шагнула в сторону:

– А вы со мной чай не пили! По какой причине нарисовали портрет слесаря в черных тонах? Вот я и предположила, что вы чванная, дурно воспитанная особа, которая решила унизить меня рассказом о таких специалистах, которых давно нет. Вы в вате прожили? Советское время давно закончилось! Нынче сантехник – высококвалифицированный человек, а унитазы – компьютерные устройства. Ненавидите нас? Может, евреев-негров-китайцев-индейцев тоже? Бьете собак-кошек?

Я начала оправдываться:

– Вы меня не так поняли.

– Вы сантехник? – перебил меня Филипп Андреевич.

– Доктор технических наук, специалист по устранению проблем, – процедила дама сквозь зубы.

Маслов расплылся в улыбке:

– Дорогая Эвелина...

– Э-бе-ли-на, – поправила дама.

– У меня сейчас больная, – продолжил врач, – вам лучше прийти в районе семнадцати часов.

Эбелина достала нечто ярко-золотое и, громко сказав: «Мой айфон самый дорогой и современный из всех на рынке», приложила не пойми что к своему уху. И начала говорить. Я заморгала. Айфон? Это, похоже, телефон! Эбелина тем временем громко вещала:

– Хочу отметить, что здоровых людей в природе нет. Десятое декабря вас устроит?

– Не понял? – опешил Маслов.

– Специально для вас я нашла свободное местечко в своем плотном графике, – пояснила Эбелина. – Сегодня мне из-за вашего каприза пришлось отменить вызов другого клиента. Вы отказываетесь от моих услуг, более ради вас я свой график не нарушу. У вас есть окошко десятого декабря!

– Но сейчас июнь! – напомнил врач.

– И что? – прищурилась Эбелина.

– У вас не может быть расписания, как у оперной певицы, – отрезал Маслов.

– Почему? – поинтересовалась дама.

– Вы слесарь!!!

– О! – восхитилась Эбелина. – Ясно. Не первый раз сталкиваюсь со снобизмом малокультурного человека, который считает, что заливаться соловьем на сцене – почетно, а девушка, которая чинит унитаз, – пятый сорт. Возникает вопрос: когда вас от безудержного потребления вредной пищи прохватит понос, куда вы помчитесь? В оперу или в туалет? Кто вам будет нужнее в случае, если на двери ватерклозета окажется табличка: «Не работает». Лучшее меццо Италии или пятисортная Эбелина? Кому вы больше обрадуетесь, если, прыгая у клозета, увидите оперную диву, распеваящую арию Татьяны из бессмертного «Евгения Онегина», или меня с набором инструментов?

Я не выдержала и рассмеялась.

– А вот мне невесело, – поморщилась Мюллер, – плакать хочется из-за человеческой глупости, снобизма, высокомерия и гордыни.

Филипп Андреевич пошел к двери.

– Татьяна, давай переберемся в другой кабинет. Эвелина здесь займется починкой.

– Нет, – возразила дама, – во-первых, мое имя Эбелина! Во-вторых, владелец унитаза обязан присутствовать во время ремонта.

– Зачем? – изумился Маслов.

- Вы оставите младенца в кабинете педиатра одного? – поинтересовалась Эбелина.
 - Конечно, нет, – ответил Филипп Андреевич.
 - Доктор, запомните: унитаз ваш новорожденный ребенок, – продекламирровала Эбелина, – хрупкий, нежный, эмоциональный, ранимый.
 - Ш-ш-ш-ш, – донеслось из туалета.
- Маслов взглянул на меня.
- Я подожду, пока Эбелина устранит поломку, – успокоила я врача, – никуда не тороплюсь.

Глава 9

Дама открыла дверь, мне стали видны унитаз и душевая кабина.

– Как его зовут? – поинтересовалась Эбелина.

Я подумала, что она проверяет, запомнили ли мы с доктором имя старика, и живо произнесла:

– Гектор.

– Здорово, он мой тезка, – обрадовался старичок.

– Кто? – не поняла я.

– Унитаз, – уточнил дедуля. – Милый Гектор, не плачьте, все будет хорошо.

– У толчка не бывает имени, – отрубил Маслов. – Чушь какая-то.

– Вот поэтому он у вас и не работает, – печально констатировала Эбелина. – Ваши варианты? Его надо как-то назвать.

– Увольте меня от присвоения имени сортиру, – фыркнул Филипп Андреевич.

– Полная дискриминация, – вздохнула Эбелина, – я не могу работать с безымянным оборудованием. Дорогой, уж прости, я сама назову тебя, нам придется общаться. Как тебе имя Иван?

У меня закружилась голова. Иван, Ваня, Ванечка, Ванюша, Мози, Роки, Альберт Кузьмич... Я потеряла лоб. «Иван» вовсе не редкое имя, часто встречается в литературе. Правда, сейчас оно потеряло былую популярность. Но я, скорее всего, видела его в книгах. Мози и Роки – псы из моего сна, но кто такой Альберт Кузьмич? Кем он мне приходится? Вот уж не думала, что без воспоминаний о прошлом так трудно жить.

Эбелина вытянула руки:

– Перчатки!

Гектор открыл сундук, достал из него упаковку и хотел ее открыть.

– Стоп! – скомандовала Эбелина. – Сто раз я говорила! Сначала покажи хозяевам: закрыто герметично, соблюдена стерильность. Теперь надевай их на меня. И на себя.

Старичок замер, подняв руки на уровень груди.

– Что не так? – рассердилась его начальница.

– Я не могу применить одну пару к вам и к себе, – доложил дедок.

Эбелина закатила глаза:

– Будь проклят тот день, когда меня шантажом заставили взять этого ученика. Гектор, объясни, почему ты решил, что нам надо носить одну пару защитных перчаток? Это и впрямь невыполнимо!

– Так вы велели: «Теперь надень их на меня. И на себя», – процитировал старичок.

– Ежу понятно, что я имела в виду: возьми себе вторую пару, – прошипела его хозяйка.

– Тогда нужно было сказать иначе, – не сдался Гектор. – «Надень на кисти моих рук эти перчатки и сам воспользуйся другими». Кстати, фраза «Натяни их на меня» подразумевает, что в эти изделия нужно поместить госпожу Мюллер целиком. Но я уже привык немного к вашей не всегда правильно построенной речи, поэтому сообразил, что надо заняться только кистями рук.

Дедуля мне определенно нравился, а Эбелина не вызывала положительных эмоций, поэтому я решила поддержать Гектора.

– Я тоже подумала, что к использованию рекомендуется одна пара перчаток на двоих.

– О, поздравляю, вы не еж! – обрадовался старичок. – Госпожа Мюллер сказала: «Ежу понятно, что я имела в виду». А раз нам с вами это непонятно, то мы не ежи.

– Ежами в данном случае являются Эбелина и Филипп Андреевич, – подхватила я, – они все поняли правильно.

Доктор и дама переглянулись, мы с Гектором уставились на них.

Первой опомнилась Эбелина:

– Хватит болтать о пустяках. Где лестница?

– В кабинете ее нет, – начал Филипп Андреевич, – сейчас позвоню...

– Расслабьтесь, – приказала слесарных дел красавица, – неужели я буду рисковать своей жизнью, используя чужой инвентарь? Гектор! Покажи людям мою научную работу.

Старичок покорно выудил из сундука комок канатов с железками.

– Вы видите мою первую докторскую диссертацию под названием «Создание оригинального лазательного-карабкательного устройства, применимого во всех отраслях ненародного хозяйства».

– Это же обычная веревочная лестница, – хмыкнул Филипп Андреевич, – ею еще пираты пятнадцатого века пользовались.

– Вы жестоко ошибаетесь! – рявкнула Мюллер. – Гектор! Крепи!

– Куда? – спросил старичок.

– К потолку! – велела Эбелина. – Хозяин решил продемонстрировать задатки дизайнера и поставил в туалете стилизацию под ретробачок, он поднят на трубе почти к небу.

– Мне он вместе с кабинетом достался, – стал оправдываться Маслов. – Я пользуюсь тем, что здесь еще до моего появления стояло.

– Притачаю его к емкости для воды, – рассуждал вслух Гектор и стал бросать веревки на бачок.

– Встаньте на унитаз, – посоветовала я.

– А еще лучше возьмите нормальную стремянку, – процедил Филипп Андреевич.

– Вы считаете мое изобретение ненормальным? – вкрадчиво осведомилась Эбелина.

– Нет, ну что вы, – стал выкручиваться доктор, – просто... э... ну... э...

– Готово! – провозгласил Гектор.

– Займите ремонтную позу номер один, – велела его начальница.

Старичок начал медленно карабкаться к бачку.

– Побыстрее, – велела дама, – у нас жесткий график.

– Ступеньки круглые, металлические, ноги скользят, – пожаловался Гектор, – деревянные удобнее.

– Вам лучше замолчать, – прошипела Эбелина, – мне не интересны мысли дилетанта. Дерево от соприкосновения с водой гниет, трескается, такая лестница не может быть долговечной. А моя прослужит пару тысяч лет! Железо! Никелированное!

– Веревки порвутся, – ввернул шпильку Маслов, – и кому нужен предмет, который переживет своего хозяина?

– Значит, «Мону Лизу» надо выкинуть? – окрысилась дама. – Заменить ее фанерным щитом?

– Я не говорил этого, – опешил Филипп Андреевич.

– Это явствует из ваших слов про предмет, который хозяина переживет, – скривилась Эбелина, – значит, если владелец раритета умер, шедевр никому уже не нужен.

– Я наверху, – прокряхтел дедок.

– Снимайте крышку с бачка! – отдала приказ его босс.

– Чем?

– Руками.

– Как?

– Просто поднимите ее!

– Как?

– Руками, – повторила Эбелина. – Чем вы слушаете?

– Ушами, – ответил Гектор. – Не получится убрать крышку.

- Почему? – возмутилась шефиня.
- Я держусь всеми руками за ступеньки, – пояснил дедуля, – если отпущу, грохнусь.
- Поэтому я и говорил про стремянку, – не преминул заметить Филипп Андреевич, – на ней можно стоять со свободными верхними конечностями.
- Открыл, – прокричал дедуля.
- Вот видите! – заликовала Эбелина. – Надо было просто постараться. Скажите, в чем там проблема?
- Не знаю!
- Так узнайте!
- Как?
- Посмотрите в бачок.
- Как?
- Глазами!
- Не могу!
- М-м-м, – простонала дама. – Почему?
- Они в голове!
- Боже! Пошли мне терпения! – взвыла Эбелина.
- Многоуважаемый Гектор, – сдерживая смех, сказал Маслов, – у всех людей орган зрения находится в черепе. И это не мешает, а, наоборот, помогает человеку хорошо видеть.
- Сейчас мне бы не помешали глаза, сделанные по принципу перископа подводной лодки, – вздохнул Гектор, – моя голова находится на уровне середины бачка.
- Так поднимитесь выше, – простонала Эбелина.
- Не могу.
- Почему?
- Ступеньки закончились!
- Да будет проклят тот день, когда я согласилась взять вас в ученики! – взвизгнула дама. – Сама бы давно уже все сделала, починила и ушла!
- Пусть дедушка слезет, а вы вместо него вскарабкаетесь, – предложила я.
- Это невозможно! – возмутилась дама. – Странно, что вам такая идея в голову пришла!
- А что в ней плохого? – удивилась я. – Вы профи. Гектор ваш ученик. Лучше всего обучать его на собственном примере.
- Я многожды раз доктор наук, королева технического оборудования, – гордо возвестила Эбелина, – монаршие особы собственноручно унитаза не чинят.

Глава 10

Филипп Андреевич мигом ввязался в спор.

– Не согласен. Царица, которая правит какой-то страной, и впрямь не должна марать руки об унитаз. Но вы-то сантехник, вам и карты, вернее, вантуз в руки.

– Вижу потроха бачка! – прокряхтел Гектор. – Встал на цыпочки.

– Только не упадите, – испугалась я.

– Я не заинтересован в полете с четырехметровой высоты, – ответил старичок, – спасибо вам за заботу. Дай вам бог здоровья и жениха богатого.

– Что вы видите внутри? – перебила дедулю Эбелина.

– Железная штука, на ней другая, ее держит третья, четвертая сбоку, внизу калоша, к ней палка приделана, – отпартовал Гектор.

– Штангенбромцгевинтер в порядке? – осведомилась его начальница.

Гектор глянул вниз, на его лице явно читалась растерянность.

– А также необходимо проверить состояние вращательно-поворотной рукояти шпицкантинерера и набалдашник рукманкболипрессатора, – продолжала Эбелина, – поскольку весь бачок, равно как и спуск накопленной в нем жидкости, плюс непосредственно санитарно-утилизаторный ковш для отходов жизнедеятельности теплокровных млекопитающих сделаны целиком из бронзы, то я уверена: отверстие впадения кампертуфеля в камперсапог забито натрий-калиевой-магневой-фосфатной щелочью, образованной из некачественной воды плохой очистки. Проверьте все упомянутое и доложите результат.

– Не могу, – прошептал Гектор.

– Почему?

Я думала, что старичок сейчас честно признается: понятия не имею, где эти штуки находятся. Но он постеснялся расписаться в собственном невежестве и заявил:

– Не вижу механизма.

– Почему? – снова задала давно надоевший всем вопрос Эбелина.

– Ноги устали, пальцы онемели, цыпочки не получают, – застонал Гектор. – Если бы я руки свободные имел, но в них крышка...

– Избавьтесь от нее! – велела босс.

– Как?

– Положите!

– Куда?

– На бачок!

– Тогда я точно не увижу, что внутри, – логично ответил Гектор.

– Возьмите ее в зубы, – отдала очередной приказ Эбелина.

– Съемными протезами даже газету не удержишь, а тут бронзовый набалдашник!

Мюллер потеряла терпение:

– Деньте его куда-нибудь!

– Назовите место, куда я могу отправить крышку!

– Да бросьте вы ее! Сил больше нет! – заорала Эбелина.

Через секунду прямо передо мной рухнула здоровенная штуковина, очень похожая на крышку утятницы.

– С ума сошел? – взвизгнула Эбелина и, забыв про вежливое «вы», рявкнула: – Ты мог убить женщину!

– Вас? – обрадовался дедок. – Попал? Но...

Послышались треск, визг, вопль, звон, грохот. Я инстинктивно зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела Гектора, который сидел в унитазе. Да, да, предлог поставлен правильно

не «на», а «в». Зад старичка оказался вне зоны видимости, наружу торчали ноги, руки, торс, шея и голова.

– Как он туда попал? – изумилась Эбелина.

– Упал, – прокричал Гектор.

Я, стряхнув оцепенение, кинулась к старичку:

– Вы живы?

– Мертвые молчат, – ответил Гектор, – а я беседую, что позволяет сделать вывод о сохранении функций организма.

– Фу-у, – выдохнула я, – вылезайте.

Гектор закричал:

– Не могу!

– Почему? – вмешалась в наш мирный диалог Эбелина.

– Не могу пошевелиться, – пояснил Гектор.

– По какой причине? – не отставала дама.

– Застрял, – грустно уточнил бедняга.

И тут у Эбелины затрезвонил телефон. Она вытащила трубку и вышла в комнату. Но я все равно услышала ее злобный вопрос:

– Что тебе надо? А! Интересуешься, как отец? Вышла замуж за идиота, а мне подарила папашу?

– Я никогда не страдал олигофренией ни в какой стадии, – возразил дедуля, – идиотизм, имбецильность, дебилость – все это не мое. Вот артрит мой. Тут я не спорю.

– Эбелина ваша дочь? – обомлела я.

Гектор кивнул:

– Она плохо училась в школе, в институт поступать с тройками в аттестате было бессмысленно. Я же профессор, специалист по ногтям мумий...

– По чему? – разинул рот Филипп Андреевич.

– Мумия – это... – завел Гектор.

– Знаю, – отмахнулся Маслов, – не понял предмета вашей научной деятельности.

– У забальзамированных останков есть ногти, – зачастил Гектор, – я много лет собирал материал, побывал в разных странах, написал книгу. Вообще-то, я ученый с мировым именем, но нам платят копейки. А мой труд ни одно издательство выпускать не хотело. И я за свой счет «Ногтевые пластины древних захоронений» опубликовал. Потратил наши с женой накопления. Супруга разозлилась. Велела мне сбережения вернуть, а как? Я попросился к дочери в ученики. Она сейчас гуру в мире сантехники! Вот вам и необходимость высшего образования! Я много лет учился, и что? Сижу на мели. Эбелина же с первого по десятый класс тройки с минусами получала, я кое-как ее в училище пристроил, дочь никуда брать не хотели...

– И вот что вышло! – взвизгнула доченька, появляясь в санузле. – Гектор, вы сидите не в унитазе, вы сидите в том месте, для которого сантехническое оборудование предназначено. Вы меня всю жизнь дурой обзывали, унижали, в насмешку отдали, как сказали матери: «Обучаться на какашкиных дел мастера». И что? Теперь вы от меня...

Я не удержалась от вопроса:

– Почему вы отца на «вы» называете?

– Потому что он все детство велел к нему во множественном числе обращаться! – заорала Эбелина. – Твердил: «Я профессор, а ты идиотка». И что? Где наш великий профессор мумийных когтей?

– Прилагательного «мумийные» не существует, – заявил Гектор, – когти у зверей! А я...

– А я защитила кучу диссертаций, выступаю на конгрессах, зарабатываю миллионы, – завизжала дочурка, – ты же сидишь в унитазе и сейчас...

В порыве гнева дочь дернула за цепочку слива. Послышался гул, с бачка на Гектора упала веревочная лестница. За ней в унитаз рухнул водопад. Вода вмиг поднялась до краев и вытолкнула тощего дедулю из толчка. Гектор очутился на полу, встал, отошел к полотенцесушителю и воскликнул:

– У меня брюки мокрые.

– Высохнут, – топнула ногой ласковая доченька. – Я не могу с тобой работать! Ты фиговый ученик! И...

Договорить она не успела. «Нога», на которой держался бачок, медленно начала крениться вперед. Я поняла, что сейчас произойдет катастрофа, и резвой ланью кинулась в кабинет, а оттуда в коридор. Я вовремя проявила обезьянью прыть. Через секунду после того я очутилась за дверью, раздались грохот, звон и многоголосый вопль.

– Что там случилось? – испугалась Фаина, вскакивая.

– Думаю, у доктора в туалете упал бачок, – объяснила я, – его Эбелина чинила с помощью Гектора! Странные у вас сантехники!

– У нас работает Василий, – объяснила Фаина, – обычный мужик. В тот день, когда вы из комы вышли, он чинил бачок. А он сегодня сломался. И явились эти клоуны, сама их впервые вижу. Сначала я пускать их не хотела, позвонила зав АХО, он на меня наорал: «Стараюсь ради вас, и что? Васька заболел! Это замена! Они лучшие!»

– Эту парочку надо Маслову сдать, пусть лучше с ними... – в сердцах воскликнула медсестра, не договорила и тут же замолчала.

Я навесила на лицо улыбку.

– Пойду гляну, что там, – протянула Фаина, – грохот знатный был, но никто в коридор не выбежал. Уж извините, похоже, доктор в шоке, не сможет он работу с вами продолжить.

– Не беда, – улыбнулась я. – А почему я других больных не вижу?

Фаина пожала плечами:

– Мы же специализируемся на реабилитации после комы. Сейчас вы одна такая.

– Одной скучно, телевизора в палате нет, радио тоже, – заныла я. Хоть бы поболтать с кем-нибудь.

– Отдохните немного, потом еще погуляете, – посоветовала Фаина.

Глава 11

Я покорно вернулась в свою палату и села на кровать. В голове, словно злые осы, жужжали мысли.

Похоже, смерть медсестры Лизы насильственная. Почему я так думаю? Может, она болела, скончалась от инфаркта. Все считают, что сердечно-сосудистые заболевания бывают только у пожилых людей. Увы, нет. Подчас инсульт ударяет и по маленьким детям.

Я встала и подошла к окну. Но если у человека барахлит «мотор», плохие сосуды, это всегда отражается на внешности. Наши лицо, фигура без слов говорят, какой образ жизни мы ведем, какими недугами страдаем. Желтые белки глаз? Проблема с желчным пузырем. Синие ногти, губы, серый цвет кожи? К гадалке не ходи, барахлит сердце. Отеки? Проверьте почки. Но у Лизы-то был цветущий вид: розовые щеки, блестящие глаза, она не задыхалась, не кашляла, не имела лишнего веса, веки ее глаз не походили на подушки...

Я оперлась руками о подоконник. А теперь объясните, откуда преподавательница русского языка и литературы знает все то, о чем сейчас думает? Встречаются люди, которые увлекаются медициной. Не имея должного образования, они читают разные научно-популярные статьи в журналах, изучают тело человека с помощью анатомического атласа. Но я-то другая! Не помню, чтобы меня привлекла публикация типа «Десять признаков диабета». От медицины я далека, как Мози, Роки и Альберт Кузьмич от математики.

Не успели в мыслях промелькнуть три этих имени, как я поразились: откуда я их знаю? Кто они такие? Если верить моему сну, то Мози и Роки – собаки. Альберт Кузьмич определенно человек, пса не станут звать по отчеству. Наверное, это хозяин собак. Кто он? Я помню своего мужа Михаила, свекровь Этти, а вот Альберта Кузьмича нет. Где я с ним познакомилась? Возможно, он отец кого-то из моих бывших учеников? Или сотрудник фирмы, где я работала в последнее время. И вот что странно, когда я вспоминаю службу, то это всегда школа. Совершенно не помню фирму, в которой вмиг взлетела по карьерной лестнице от скромной «шестерки» до помощницы ее владельца.

Я опять села на кровать. Елизавета – простая медсестра, которую за плохую работу выгнали из отделения, где реабилитируют больных, вышедших из комы. За что могли лишить молодую женщину жизни? Наследство! Но Лиза-то нищая, она получала маленькую зарплату, одна воспитывала ребенка, жаловалась на свою трудную жизнь. Значит, денежный интерес отпадает. Любовник. Допустим, девушка завязала отношения с женатым мужчиной, а у того ревнивая супруга, которая тоже работает в больнице... Такое возможно. В клинике много лекарств. А что говорил Гиппократ? «В ложке лекарство, в чашке яд». Любой медикамент, если его принять в некорректной дозе, может убить человека. Если законная жена врач или дипломированная медсестра, то она обладает необходимыми знаниями и может сделать так, чтобы смерть соперницы приняли за естественную. Вот, например, препарат альдоний¹. Проглотишь вместо одной дозы три и получишь инфаркт.

Я потрясла головой. Так! Таня, а это ты откуда знаешь?

– В каком она настроении? – спросил мужской голос.

Мне стало понятно, что кто-то идет по саду.

– В нормальном, – ответила женщина.

– Плохо, почему она не жалуется на усталость? – рассердился баритон, и я сообразила, что он принадлежит Филиппу Андреевичу. – Ты давала Сергеевой лекарство?

– Да, – подтвердила девушка.

¹ Таблеток с таким названием нет. Есть аналогичного действия препарат, его наименование автор не дает из этических соображений.

– И утром, и днем? – уточнил Маслов.

– После завтрака, а теперь в полдник я все сделаю правильно, – заверила незнакомка.

Я улыбнулась. Лекарство мне вручили перед завтраком, да я уронила таблетку, начала ее искать, не обнаружила, потом пошла умываться, наклонилась над раковинкой, а белая «кнопочка» вдруг откуда ни возьмись вывалилась и упала в слив. Похоже, таблетка запуталась в складках моей ночной рубашки. Просить другую у медсестры я не стала. А вот вторую пилюлю Карина мне не приносила, наверное, забыла.

– Значит, она сейчас спит, вторая доза ее на два часа выключит, – продолжал врач, – ну и оказия случилась с унитазом. Не удалось мне с Сергеевой поработать. Ничего, завтра поговорим.

– Так можно после того, как она проснется, – подсказала девушка.

– Карина, неужели ты до сих пор не поняла, что все беседы с объектами я провожу исключительно до часа дня, – упрекнул доктор.

– Конечно, я это знаю, – заюлила медсестра. – По вашей теории мозг человека особенно восприимчив к воздействию лампы до тринадцати и после двадцати трех часов. Но я подумала, раз она одну процедуру пропустила, то это нужно обязательно компенсировать, иначе чистота эксперимента нарушится.

– Один день погоды не сделает, – пояснил Маслов. – Слава богу, мы не ограничены во времени. Чего-чего, а его у нас достаточно.

– Как вы думаете, сейчас получится?

– Посмотрим.

– Вас неудачи не пугают?

– Нет.

– Научите меня относиться так к жизни, – попросила Карина, – а то я всякий раз, когда не по-моему выходит, плачу, места себе не нахожу!

Маслов засмеялся:

– Скажу тебе по секрету, когда перед моим носом в кафе у Хали заканчиваются сырники, я тоже рыдать готов. Не нужно путать житейские проблемы и научную работу. Каждый исследователь знает: сразу положительную динамику не получишь. Придется долго блуждать в лесу ошибок, неудач, надо с этим сразу смириться. Я двигаюсь маленькими шагами, но иду. Это уже большой успех. В начале-то... всякое случалось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.